

«Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920»

Людмилы Новиковой

«Столичная» перспектива уже давно перестала доминировать в анализе трагических событий российской революции и Гражданской войны. И отечественные, и зарубежные историки уделяют всё больше внимания тому, что происходило в 1917–1922 гг. за пределами Петрограда и Москвы. Такая «децентрализация» исследовательского взгляда тесно связана с ощутимым сдвигом внимания учёных от сферы «большой политики» и противостояния абстрактных «классов» к региональным и локальным политическим процессам, а также к проблемам социальной и культурной истории. Изучение повседневной жизни и мотиваций «обычных людей» эпохи, как выясняется, способно создать гораздо более глубокое представление об истоках, обстоятельствах и исходе революционной драмы. Политические, социальные и культурные аспекты гражданского конфликта в результате оказываются в неразрывной взаимосвязи в духе того, что создатели французской школы «Анналов» называли «тотальной историей», в которой нет и не может быть второстепенной или периферийной тематики.

Вместе с тем эта новая историографическая повестка дня ставит перед исследователями принципиально новые проблемы, заставляет их переоценивать, казалось бы, устоявшиеся выводы и подходы, отыскивать свежие источники или задавать новые вопросы уже известным материалам. На наших глазах на протяжении последних двух десятилетий появляется «новая волна» в историографии революции, Первой мировой и Гражданской войн. Её частью можно считать и монографию молодой российской исследовательницы, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Национального исследовательского университета Высшая школа экономики Л.Г. Новиковой¹. В обсуждении этой книги приняли участие профессор и доктор наук А.А. Киселёв (Мурманский государственный педагогический университет), Эрик Ландис (университет Оксфорд Брукс, Великобритания), И.В. Нарский (Национальный исследовательский Южноуральский государственный университет, Челябинск), Дональд Дж. Рейли (Университет Северной Каролины в Чэпел-Хилл, США), Арон Б. Ретиш (Уэйнский университет штата Мичиган, США), а также кандидат исторических наук Т.И. Трошина (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск).

¹ *Новикова Л.Г.* Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 368 с.

Дональд Рэйли: Насколько «политическим» было поражение белых?

Хотя история российской революции многократно переписывалась, историография её решающей части – Гражданской войны – в западной историографии до последнего времени оставалась на удивление слабо развитой. Вплоть до 1980-х гг. господствовавшие тогда парадигмы, а также сама природа источников, доступных западным учёным (особенно отсутствие доступа в советские архивы), заставляли их концентрироваться на военных операциях, союзной интервенции и политике в «верхах». Историки того поколения склонны были винить в утверждении коммунистической диктатуры марксистско-ленинскую идеологию или же российскую отсталость и авторитарную политическую культуру. В 1980-х гг. интерес к социальной истории и культурным экспериментам большевиков стимулировал публикацию новых академических и популярных обобщающих работ по истории Гражданской войны², а также очень важной коллективной монографии, в которой акцент в интерпретации коммунистического режима был перенесён с сознательной политической воли «вождей» на обстоятельства революции и Гражданской войны³. В это же время появились первые масштабные исследования Петрограда и Москвы в период войны (принадлежащие перу соответственно Мэри Маколей и Ричарда Саквы⁴). В некоторых работах тех лет период с 1917 по 1921 г. рассматривался как определяющий по отношению к последующим десятилетиям: их авторы подчёркивали, что поведение, язык и политика большевиков, сформировавшиеся в эти годы, стали моделями для той политики, которую позже осуществлял И.В. Сталин.

Когда я начал под руководством Александра Рабиновича работать над своей диссертацией о революции в Саратове, я многое почерпнул в трудах тех советских историков (в основном представителей «нового направления» 1960-х гг.), достижения которых не были полностью обесценены внешними идеологическими рамками. Так, я был в таком восторге от книги Э.Н. Бурджалова о восстании в Петрограде⁵, что позже перевёл её на английский язык⁶. Однако когда в середине 1980-х гг. я приступил к работе над новым исследованием о Гражданской войне в Саратовской губернии, я быстро осознал, до какой степени советские историки искажали историю Гражданской войны, игнорируя многие её важнейшие аспекты, в основном связанные с массовым недовольством большевиками после 1918 г. Открытые для исследователей с началом перестройки архивные материалы доказывали это со всей очевидностью.

В период с 1935 по 1960 г. в СССР была опубликована «каноническая» пятитомная история Гражданской войны, посвящённая, в основном, её политическим и военным аспектам. Задержка с выходом последних трёх томов этого издания объяснялась Второй мировой войной и частичной ревизией сталинской концепции Гражданской войны после 1953 г.⁷ В 1980-е гг. советские историки

² Лучшим из них была книга Э. Модсли: *Mawdsley E. The Russian Civil War*. Boston, 1987.

³ *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History* / ed. by D.P. Koenker, W.G. Rosenberg, and R.G. Suny. Bloomington, 1989.

⁴ *McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917–1922*. Oxford, 1991; *Sakwa R. Soviet Communists in Power: A Study of Moscow During the Civil War*. N.Y., 1988.

⁵ *Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде*. М., 1967.

⁶ *Burdzhalov E.N. Russia's Second Revolution: The February 1917 Uprising in Petrograd*. Bloomington, 1987.

⁷ *История Гражданской войны в СССР*. Т. 1–5. М., 1935, 1942, 1957, 1959, 1960.

подобно своим западным коллегам стали уделять больше внимания той фазе революции, которая пришлась на 1918–1921 гг. Результатом стало появление авторитетной двухтомной истории, призванной заменить сталинское издание⁸. Её авторы обсуждали периодизацию Гражданской войны, признавали роль оппозиционных большевикам партий и региональных различий, анализировали деятельность партийных и государственных институтов и по-новому оценивали значение «военного коммунизма». Однако им не удалось затронуть более глубоких дискуссионных проблем, связанных, в частности, с повседневной жизнью в период кризиса и с массовым противостоянием большевистской политике.

Открытие архивов и исчезновение прежних идеологических ограничений позволили историкам переосмыслить прежние стереотипы и сформулировать новые концептуальные подходы к истории Гражданской войны. В частности, они породили множество локальных case studies, некоторые из которых оформились под влиянием культурологических методов и интереса к повседневности. Я имею в виду исследования И.В. Нарского, П. Холквиста, А. Рабиновича, С. Карша, С. Бэдкок и А. Ретиша⁹. В том же ключе написаны и мои работы о Саратовской губернии. Другие историки (Дж. Смил, Н. Перейра, А.В. Смолин, К. Брюггеман, В.П. Федюк, С.В. Карпенко, Н. Катцер¹⁰) активно занимались историей Белого движения. Вместе с тем после 1991 г. молодое поколение историков, воспользовавшись «архивной революцией», принялось за изучение наиболее мрачных лет сталинского режима, а затем и послевоенной истории СССР. История революции и Гражданской войны вышла из моды, так и оставшись явно недостаточно изученной. Поэтому нельзя не приветствовать выхода в свет нового значительного исследования по этой тематике – превосходно написанной монографии Л.Г. Новиковой о Белом движении на Русском Севере, автор которой не только осмыслила существующую историографию Гражданской войны, но и подтолкнула её развитие в новом направлении.

Оспаривая шаблонные представления об исключительно контрреволюционном характере Белого движения, Новикова сумела обнажить его ключевые парадоксы. В книге анализируются цели, политический курс и административная практика белого правительства на Севере, показано, как реагировало на него и различными способами содействовало ему местное население. Автор подчёркивает политическую гибкость и прагматизм белых, что коренилось в специфических условиях, сложившихся в Архангельском регионе. Этот подход

⁸ Гражданская война в СССР. Т. 1–2. М., 1980, 1986.

⁹ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., 2002; *Rabinowitch A.* The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. Bloomington, 2007; *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917–1919). Stuttgart, 2006; *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007; *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1917–1922. Cambridge, 2008.

¹⁰ *Smele J.* Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996; *Pereira N.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996; *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1998; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Russland». Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002; *Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917–1918 гг. М., 1996; *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на Юге России, 1917–1920 гг. М., 2002; *Katzer N.* Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999.

представляется тем более ценным, что до сих пор в советской и постсоветской историографии Гражданская война на Русском Севере рассматривалась почти исключительно сквозь призму интервенции, тогда как западные историки этот регион в основном игнорировали.

Одно из главных достоинств книги заключается в том, что Новикова прекрасно владеет русско- и англоязычными архивными и опубликованными источниками. В книге широко использованы материалы ГА РФ, РГАСПИ, РГВА, местных архивов в Архангельске и Мурманске, фонд Е.К. Миллера в Гуверовском институте Стэнфордского университета, а также рукописные воспоминания и дневники из библиотеки Мичиганского университета. Автор сумела разобраться в сложных идеологических и личных противоречиях, разделявших лидеров разнородного антибольшевистского лагеря в этом регионе, и создать убедительные психологические портреты его главных действующих лиц, включая монархиста Г.Е. Чаплина, знаменитого народника Н.В. Чайковского и патриота Российской империи генерала Е.К. Миллера. Признаётся в работе и та роль, какую сыграл в Гражданской войне на Севере случай, приведший сюда Чайковского и прочих антибольшевистских деятелей, а также иностранных послов и дипломатов. Новикова внимательно прослеживает отличия руководимого Миллером Белого движения на Русском Севере от других его региональных вариантов: деникинского Юга, колчаковских Сибири и Урала и юденичского Северо-Запада. В результате книга является прекрасным примером анализа того, как именно физические, социально-экономические и политические условия региона влияли на судьбу Белого движения. Автор показывает, что на Севере белые фактически приняли на вооружение эсеровскую аграрную программу, благодаря чему земельная реформа в регионе превосходила по своему радикализму аналогичные реформы других белых правительств. Кроме того, по сравнению с ними более гибкую позицию Миллер и его коллеги занимали в национальном вопросе (в отношении Карелии).

Трезво оценивая Белое движение в его региональном социально-историческом контексте, Новикова показывает, что в Архангельске оно во многих отношениях являлось продолжением местного варианта революции, а вовсе не «контрреволюцией», привнесённой сюда извне белыми офицерами. Считая себя продолжателями дела Февраля и приветствуя многие инициированные им перемены, белые (по крайней мере, на Севере) не являлись силой, выступавшей за восстановление дореволюционных порядков, а представляли альтернативу большевистскому пути модернизации страны (причём её главным инструментом и большевики, и белые видели государственную власть). По точному выражению Новиковой, «неудачи белой политики на Севере были связаны не с тем, что правительство не хотело признавать итоги революции, а с тем, что оно не смогло осуществить собственные планы» (с. 189). Недовольство региональной элиты и широких кругов населения большевистской политикой и отчуждение большевиков от местных лидеров умеренно-социалистических партий создали взрывоопасную смесь, которая, сметонировав в августе 1918 г., смела большевиков (преимущественно латышских рабочих-транспортников и других аутсайдеров), лишив их власти в Архангельске.

Новикова также представляет вдумчивый анализ того, как белые взаимодействовали с местной элитой и как реагировало на их правление население. Е.К. Миллер смог усилить своё влияние благодаря той поддержке, которую, несмотря на политические разногласия, оказывали ему в решающие момен-

ты многие умеренные социалисты из городской думы, земства и различных общественных организаций (с. 58). В частности, эсеры участвовали в белом правительстве вплоть до самого конца существования Северной области в феврале 1920 г. В отличие от умеренных социалистов в других регионах страны (и в эмиграции), которые порвали с белыми после колчаковского переворота в Омске (ноябрь 1918 г.), в Архангельске они ещё более сплотились вокруг Миллера.

Новиковой удалось прояснить и вопрос о противоречивой роли интервенции. По её мнению, представители стран Антанты сами не понимали, чего они хотят, тогда как белые воспринимали интервенцию одновременно как преимущество и как тяжкое бремя. Недовольство белых союзниками быстро получило огласку. Многие русские офицеры воспринимали необходимость подчиняться приказам иностранцев как личное и национальное оскорбление. В эмиграции некоторые из них обвиняли союзников в поражении Белого дела в регионе, доказывая, что сами они сражались и против красных, и против интервентов. Автор книги также убедительно опровергает стереотип советских времён о том, что интервенция была экономически выгодна для союзных держав.

Будучи одним из наиболее важных исследований о Гражданской войне в новейшей историографии, книга Новиковой, несомненно, привлечёт широкое внимание и вызовет немало споров. Я хотел бы выделить в ней шесть дискуссионных моментов.

1. Хотя автор заявляет, что Белое движение изучено ею и «сверху», и «снизу», первое удалось ей гораздо лучше, чем второе. Действительно, в книге успешно прояснено очень многое в том, что касается белого командования, армии, местной элиты. Однако всё же это политическая, а не социальная история. Читатель узнаёт, как местное население переживало Гражданскую войну, лишь сквозь призму политики власти. Хотелось бы, в частности, узнать больше о жизни и материальных нуждах простых жителей города и области, об обострении социальных отношений. Что означали для них испытания Гражданской войны? Что могут дать для понимания их опыта методы культурной истории? В какой мере мы можем понять этот опыт, используя такую аналитическую категорию, как «поколение»?

2. Автор мало говорит о взаимодействии местного населения с солдатами и представителями дипломатических миссий союзных стран. Рассказы самих союзников о пребывании на Севере уже какое-то время доступны исследователям. Но что к ним могут добавить документы из российских архивов?

3. Думается, Новикова преувеличивает степень единодушия в лагере умеренных социалистов по поводу сотрудничества с Миллером и его правительством. Тем самым может недооцениваться политическое фиаско белых. Местные меньшевики в решающие моменты открыто выступали против белых, либо как-то иначе мобилизовали против них свои силы. Так, лидеры профсоюзов, принадлежавшие к меньшевистской партии, критиковали участие социалистов в кабинете Миллера и организовали забастовку в знак протеста против отказа правительства объявить политическую амнистию.

4. Сама по себе война как столкновение противоборствующих армий в книге недостаточно представлена как действующий исторический фактор. Решение Новиковой не строить своё повествование как историю местной Гражданской войны, разворачивающуюся в контексте войны общенациональной,

не даёт возможности проследить во всей их сложности связи между боевыми действиями, политикой белых и реакцией на неё местного населения.

5. Новикова считает белый террор в Северной области спонтанным, не-последовательным и идеологически нейтральным. Но был ли он таким? Действительно ли можно считать его ещё одним примером прагматичного подхода белых к местным условиям? Хотя белые никогда не использовали террор так систематически, как большевики, белый террор на других подконтрольных им территориях был столь же незаконным и устрашающим, как и красный. Учитывая, что белые уничтожали коммунистов и сочувствовавших им, истребляли евреев на Украине и не только, их монополия на добродетель на Севере, видимо, скорее зависела от стечения обстоятельств, чем от отсутствия идеологии. Возможно, акцент здесь следует делать на российской политической культуре, обусловившей и белый, и красный террор.

6. Не отрицая значения военного поражения белых, я не согласен с Новиковой в том, что их провал не был политическим. Оспаривая точку зрения, что белые проиграли войну, не сумев обеспечить себе поддержку масс, автор ходит по тонкому льду. К примеру, она доказывает, что жители Северной области участвовали в противостоянии на стороне белых, потому что хотели пережить кошмар Гражданской войны, и тем самым превратили конфликт элит в народную войну. Однако сама Новикова признаёт, что местное население поддерживало или терпело белых по сугубо практическим соображениям и что простые люди (в том числе складывавшийся местный пролетариат) становились всё более враждебны к генералам по мере того, как от них отворачивалась удача. Выходит, что народ просто не хотел оказаться на стороне проигравших. Но если так, то первоначальная «поддержка» белых массами была вынужденной. Может быть, стоит послушать самих белых. После того, как Миллер и его офицеры в феврале 1920 г. бежали на ледоколе «Минин» из Архангельска, они обнародовали своё последнее обращение к жителям области, в котором объявлялось об эвакуации, а вина за поражение возлагалась именно на местное население, якобы заражённое вирусом большевизма и не желающее сражаться.

Новикова размышляет, изменили бы белые свою политику, если бы остались у власти. Но представить возможность их победы в войне довольно сложно: выборы в Учредительное собрание показали, что более 80% населения поддерживают социалистов. Белые просто не имели социальной опоры в войне, где большинство населения предпочитало оставаться в стороне. Сосредоточив свои силы на периферии, они полагались в борьбе с красными на вооружение, поставляемое союзниками. Возможно, более решительная интервенция последних могла бы склонить чашу весов на сторону белых на поле боя. Однако я убеждён, что их поражение было столь же политическим, сколь и военным. Другие недавние исследования подтверждают мнение о разложении белого лагеря и неспособности его руководителей понять связь военного успеха с социальной политикой. Не стоит недооценивать и эффективного использования большевиками языка власти, пропаганды и крепнувшей монополии на интерпретацию уроков и итогов Октября.

Людмила Новикова внесла фундаментальный вклад в исследование российской Гражданской войны, написав оригинальную монографию, подталкивающую к дальнейшим размышлениям. Её работа заслуживает внимания широкой читательской аудитории, особенно сейчас, когда приближается столетний юбилей Великой войны и Российской революции.

Когда мне предложили участвовать в дискуссии о книге по истории Гражданской войны на севере России, я охотно согласился, потому что историей революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны занимаюсь очень давно. Ещё в 1977 г. мы с Ю.Н. Климовым написали книгу о ходе революции и Гражданской войны на Кольском полуострове¹¹. По сути, на моих глазах шёл историографический процесс осмысления событий 1917–1920 гг. Я помню и ранние работы И.И. Минца, М.С. Кедрова, Н.А. Корнатовского, и «Краткий курс истории ВКП(б)». Я участвовал в борьбе с культом личности и утверждением «новых истин» в историографии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В последующие годы лидером в исследовании революции и Гражданской войны на Севере России стал В.И. Голдин¹². И вот сейчас видна «новая волна» в изучении этой темы. Могу сказать, что я внимательно следил за предыдущими публикациями Л.Г. Новиковой, даже писал о них. Новое поколение историков, к которому я отношу и Людмилу Геннадьевну, ищет свой путь изложения материала – простым языком, аргументированно и увлекательно.

Поговорку «встречают по одежке, провожают по уму» можно отнести и к книгам. Обсуждаемая нами монография выглядит солидно и прекрасно оформлена. Безусловно, радует тысячный тираж: мы в провинции довольствуемся 100–150 экземплярами. В книге более ста страниц примечаний и указателей, есть и хорошие иллюстрации. О Русском Севере в пору революции 1917 г. и Гражданской войны столько написано, что невольно думается: ну что тут ещё можно исследовать? Оказывается, можно! Исследование Новиковой отличается от всего, что написано на эту тему её предшественниками, тремя моментами: во-первых, новизной материала, почерпнутого в том числе и из зарубежных источников, во-вторых, независимостью и смелостью высказываемых суждений, и, в-третьих, широтой и глубиной освещения изучаемых проблем.

Автор исследует историю Гражданской войны на Севере России, не привлекая труды классиков марксизма-ленинизма, многотомные «Истории Гражданской войны в СССР», изданные в 1920–1930-е и в 1950–1960-е гг., энциклопедии того же времени. Вместе с тем используется работа И.И. Минца «Английская интервенция и северная контрреволюция» (М.; Л., 1931), а также полузабытые сейчас книги Н.А. Корнатовского и Г.Е. Мырина¹³, как и последнее на сегодняшний день сочинения В.И. Голдина. Есть, конечно, и некоторые пробелы. Так, в списке литературы указана книга петрозаводского историка М.И. Шумилова «Октябрьская революция на Севере России» (Петрозаводск, 1973), но нет его более поздних трудов по истории Севера в 1917–1920 гг.¹⁴

¹¹ Киселёв А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. Мурманск, 1977.

¹² Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. М., 1993; *он же*. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.). Архангельск, 2000; *он же*. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск, 2005; и др.

¹³ Корнатовский Н.А. Северная контрреволюция. М., 1931; Мырин Г.Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и её разгром. Архангельск, 1953.

¹⁴ См., например: Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России: историографический очерк. Петрозаводск, 1992.

Новикова упоминает сборник «Из истории борьбы карельского народа за власть Советов» (Петрозаводск, 1940), но не называет 3-томный сборник документов и материалов «Из истории Гражданской войны в СССР» (М., 1960–1961). Не использованы и вышедшие в последнее время периферийные энциклопедические издания – Поморская энциклопедия, Кольская энциклопедия и др.¹⁵ Или эти «провинциальные» энциклопедии не дошли до читателей, а может, не заслуживают доверия? С сожалением отмечу, что в поле зрения автора не попала недавняя публикация интереснейших фотографий, сделанных в период 1918–1919 гг. на территории Архангельска, Северной Двины, Мурмана, Карелии¹⁶.

Безусловным достоинством книги является фундаментальная проработка источников. Много ценных сведений почерпнуто автором из архивов, в том числе ГА РФ, РГВА, РГАСПИ, двух архивов Архангельской области, Государственного архива Мурманской области. Несомненный интерес представляют личные записки участников Белого движения из архива Гуверовского института (США) и бывшего Пражского заграничного архива. Автору удалось познакомиться и со следственными делами из архива Архангельского управления ФСБ, где хранятся личные данные участников антибольшевистского движения (особенно важны сведения об их деятельности после окончания Гражданской войны). В монографии широко использованы сборники документов и материалов, опубликованные в Архангельске, Мурманске, Петрозаводске, Сыктывкаре, Вологде, а также пресса периода Гражданской войны. Не обошла автор вниманием и мемуары. Чтобы объяснить условия появления на Европейском Севере Белого движения, Л.Г. Новикова использовала и документы, исходящие от «красного» командования, большевистского партийного и советского руководства.

Во введении автор сравнивает Белое движение Севера и других регионов России и вслед за П. Холквистом утверждает, что «в Гражданской войне противостояли не коммунистическое будущее и царское прошлое, но два варианта пореволюционного модернизаторского государства». Новикова декларирует необходимость исследовать Гражданскую войну и с высоты кабинетной политики белого правительства и штабов (только неясно – каких), и на низовом уровне, прослеживая, как жила белая провинция в годы войны и почему простое население приняло участие в войне на стороне белых. Тут хочется спросить автора монографии: а кто именно входил в состав «простого» населения и как соотносились его пассивная и активная части? И ещё один момент. Конечно, термин «провинциальная контрреволюция» имеет право на существование, но каковы его содержание и рамки? Следует ли по аналогии говорить и о провинциальных революциях?

В первой главе книги характеризуется Архангельский Север в начале XX в. Новикова утверждает, что «рабочее и крестьянское движение было слабо организованным и преимущественно аполитичным», что события 1905–1907 гг. «едва ли походило на революцию», что «крестьянское движение... также не отличалось размахом или радикальностью». А вывод автора таков: «В Архангельской губернии накануне Первой мировой войны мало что предвещало

¹⁵ Поморская энциклопедия. В 5 т. Т. 1–4. Архангельск, 2001–2013; Кольская энциклопедия. Т. 1–2. Мурманск, 2008–2009.

¹⁶ Гражданская война на Севере России глазами британцев: [из фондов Имперского военного музея (Лондон): фотоальбом]. СПб., 2008.

грядущий революционный кризис». Ничто не говорило о том, что «губерния может стать оплотом радикализма в новой революции», что «именно на Севере появится один из белых фронтов, выступавших против большевистской власти в центре страны». Во второй главе показан ход революции 1917 г. на Севере и выявлена расстановка политических сил. В третьей исследуются конфликты и взаимодействие внутри антибольшевистской военной и политической элиты. Четвёртая глава посвящена интервенции Антанты на Севере России и отношению к ней со стороны белого руководства и населения. Здесь, в частности, делается вывод, что на провал союзного вмешательства в Гражданскую войну в Северной области повлияли противоречия между интервентами и белыми. В пятой главе анализируются основные направления политики Северного правительства, причём подчёркиваются общие черты между революцией и «контрреволюцией» и прослеживаются истоки белой политики в позднеимперской и революционной России. Характеризуя Белое движение на Севере России в период с августа 1918 г. и до февраля 1920 г., автор монографии, на мой взгляд, ошибочно считает, что белым тогда удалось создать довольно устойчивую администрацию, «наладить взаимодействие с населением и региональными элитами, которые часто поддерживали белых в борьбе с большевиками». Но ведь белые держались, пока их поддерживала Антанта!

В шестой главе анализируется «народная» война, а именно состояние власти на местах и роль локальных интересов. Также в ней исследованы попытки белой власти мобилизовать население на войну с большевиками, масштабы и мотивы участия простых людей губернии в белой борьбе. Наконец, в завершающей седьмой главе работы представлена история последнего периода существования Северной области, последовавшего за военными неудачами лета 1919 г. Также здесь рассматривается, как новая большевистская администрация Архангельской губернии попыталась интегрировать Северную область в единое Советское государство в начале 1920-х гг.

Есть у меня и соображения по поводу того, как в книге изображается роль второго после Архангельска крупного регионального центра. Мне кажется, что автор монографии недооценивает стратегическую и политическую роль Мурманска в истории интервенции и Гражданской войны на Севере. Архангельск, оставаясь центром губернии и всего края, не мог заслонить собой Мурманск, особенно в начальный период интервенции. В 1918 г. основные события, связанные с международными делами, происходили не в Архангельске, а в Мурманске, где находились и главные действующие лица (Ф. Пуль и др.).

Книга Новиковой плотно населена людьми (именной указатель включает более 250 фамилий) – участниками или очевидцами тех событий, что описаны автором. Это и политические деятели эпохи революции и Гражданской войны (Н.В. Чайковский, С.С. Маслов, Н.А. Старцев, П.П. Скоморохов, С.Н. Городецкий, А.И. Гуковский), и военные руководители белых и предводители партизанских отрядов (Е.К. Миллер, В.В. Марушевский, Л.Б. Кербер, Г.Е. Чаплин), и местные политики. Много внимания автор уделяет и иностранцам (британцам Ф. Пулю и У.Э. Айронсайду, американцам Ч. Мейнард и Д. Френсису, французам Ж. Нулансу и др.). Правда, мне, как кольскому краеведу, показалось, что маловато места уделено таким мурманчанам, как К.Ф. Кетлинский, А.М. Юрьев, Г.М. Веселаго. Да и о В.В. Ермолове, ставшем жертвой кровавого террора периода Гражданской войны на Севере России, можно было бы написать больше.

В заключение хочется сказать следующее. Времена меняются, сменяются поколения, всё дальше в прошлое уходят события, описанные в книге. Появляются фильмы, где интеллигентные белогвардейцы противопоставляются малообразованным красноармейцам. Но не стоит романтизировать Белое движение. В Гражданскую войну в России и белые, и красные проявляли жестокость, а политика с обеих сторон была кровавой. Так было и на Русском Севере. Но разбираться, кто и в чём виноват, необходимо. И в этом плане Л.Г. Новикова пытается найти истину, нарисовать объективную картину событий.

Игорь Нарский: О двух ловушках, подстерегающих исследователя региональной российской истории

Книга Л.Г. Новиковой является важным пополнением обретшей новую жизнь за последнюю четверть века международной историографической традиции изучения региональной истории русской революции и Гражданской войны. В этой традиции автор прекрасно ориентируется, на неё она уверенно опирается, используя в своей работе исследования на русском, английском и немецком языках – к сожалению, редкий случай в российской историографии Гражданской войны. И это – далеко не единственное достоинство исследования Новиковой. Монографию отличает амбициозная постановка вопросов, призванная поставить под сомнение традиционный образ «белой контрреволюции» на основе рассмотрения Гражданской войны на Русском Севере из двух перспектив – «сверху» и «снизу». Автор опирается на широкую и сложно дифференцированную источниковую базу, привлекая документы восьми российских и двух американских архивохранилищ. Она излагает оригинальные наблюдения и приходит к выводам, идущим вразрез с мейнстримом в изучении Гражданской войны в России.

Если бы меня попросили пунктирно наметить положения книги, наиболее плодотворные для дальнейшего изучения российской Гражданской войны, я бы перечислил следующие. Во-первых, «белое» движение на Севере рассматривается Новиковой не как «контрреволюционная» попытка повернуть историю вспять, а как один из двух, наряду с большевизмом, возможных вариантов пореволюционной модернизации: «В Архангельской губернии антибольшевистское движение являлось во многих отношениях прямым продолжением локальной революции, а не “контрреволюцией”, принесённой исключительно извне белыми офицерами и отрядами Антанты» (с. 47). Новикова убедительно отстаивает этот центральный тезис, излагая программные намерения и практические действия «белых» правительств по решению социальных проблем населения региона – рабочего и земельного вопроса, народного просвещения и здравоохранения, продовольственного обеспечения и национальной проблемы.

Во-вторых, Новикова рассматривает события Гражданской войны в северной провинции не как модификацию неких железных всероссийских закономерностей, а как игру «его величества случая». В этой игре причудливое сочетание обстоятельств оказалось важнее намерений политиков и военных, которые, в свою очередь, в неясной обстановке чаще были вынуждены импровизировать, чем реализовывать заранее разработанные планы. Это касается и дипломатов, офицеров и солдат Антанты, оказавшихся «интервентами поневоле» без ясных планов и целей, и «белых» правителей, которые пытались управлять хао-

сом, создаваемым рождёнными в революции разномастными и своенравными местными органами. Это касается белых офицеров, для которых интервенция была «одновременно и большой удачей, и непомерным политическим грузом» (с. 136). Это касается населения, которое не ведало, кто завтра выйдет победителем из этой войны и, следовательно, кого следует держаться, чтобы выжить, а кого сторониться, чтобы не быть обвинённым в сотрудничестве с врагом.

Наконец, третий принципиально важный, на мой взгляд, пункт исследования Л.Г. Новиковой состоит в подчёркивании внеполитических мотивов поддержки «белых» населением. Конечно, Д. Рейли совершенно прав, видя в поведении населения не только политические и идеологические компоненты, но и намерения просто пережить политическую «непогоду» и хозяйственную разруху. Эти мотивы нельзя обойти при решении вопроса о том, почему люди поддерживали тот или иной режим. Я солидарен с Новиковой, которая пишет, что «главным мотивом (крестьян. – *И.Н.*) было то, что содействие власти обещало принести некоторые выгоды, способствовать разрешению сельских споров и помочь выжить в трудных условиях Гражданской войны» (с. 203). Конечно, аполитичность мотивов населения не исключала политических последствий его вмешательства в события на той или иной стороне. Именно «народным характером» Гражданской войны автор объясняет её жестокость, замешанную на мотиве отмщения. Нежелание местных жителей поддерживать проигрывающую сторону, чтобы не навлечь неприятностей на свою голову, по мнению Новиковой, стало главной причиной стремительного крушения белой власти в Северной области.

Этим бы я, пожалуй, и ограничился, спрости меня о главных потенциальных импульсах обсуждаемой книги для дальнейшего изучения Гражданской войны в России. Однако моя задача не сводится ни к краткому пересказу книги, ни к её рецензированию. Прочитав размышления Д. Рейли о книге Новиковой, я нашёл важными намеченные им пункты возможной дискуссии и решил принять в ней участие. Более того, я обрадовался, что на первое место среди предложенных к обсуждению вопросов авторитетный историк Гражданской войны поставил существующую в дискутируемой книге асимметрию между изучением Гражданской войны на Севере «сверху», из политической перспективы, и «снизу», из ракурса повседневной истории. Я согласен с мнением Рейли, что в работе Новиковой возобладала политическая история. Действительно, история «снизу» наиболее фактурно представлена лишь в шестой главе («Белое движение и народная война», с. 191–225). Эта особенность обсуждаемой работы, на мой взгляд, касается двух ловушек, которые подстерегают исследователей, ставящих перед собой задачу локального изучения повседневности.

Первая из них касается часто встречающейся в исследованиях непреднамеренной подмены истории «снизу», то есть истории повседневности и субъективности, политической, событийной историей «сверху». Как мне представляется, подмена такого рода происходит из-за недоучёта того, что история «снизу» пишется благодаря выбору не столько перспективы, сколько масштаба изложения, не столько объекта изучения, сколько источников его исследования и описания. Описание повседневности, производимое «с высоты птичьего полета» и с помощью официальных документов, утрачивает важные для истории повседневности качества: оно перестаёт трогать, теряет эффект непосредственного прикосновения, опасной близости. Настроения населения в сводках политической полиции и в эго-документах носителей этих настроений – это в известной степени разные настроения.

У Новиковой были все шансы написать повседневную историю Гражданской войны на Севере, которыми она воспользовалась в минимальной степени: субъективность заявлялась как один из предметов исследования, в её распоряжении были многочисленные личные свидетельства. Она владеет пером, что также немаловажно, чтобы написать увлекательную историю повседневности. Однако она приближалась к объекту анализа на расстояние «опасной близости» лишь мгновениями, обыкновенно в качестве зачина очередной главы или параграфа, после чего тут же «отпрыгивала» от него на более безопасное расстояние. Так произошло, например, при упоминании небывало тёплой весны 1917 г. в Архангельске (с. 47) или при описании первого заседания антибольшевистского правительства под звуки редкой перестрелки (с. 84), создающих мимолётный эффект включённости читателя в событие.

Автор с неизбежностью приближается к «опасным» измерениям исторического описания в последних двух главах книги в связи с анализом форм насилия и проявлений жестокости в ведении войны и обращении с пленными. Но даже эти фрагменты не вырастают в систематическое изложение. Новикова практически не использовала такие важные для изучения сферы субъективности сюжеты как слухи (вскользь упомянутые на с. 47, 208, 250, 257) и праздники (с. 137–138). Она, к сожалению, обошла и такой вид источника изучения истории «снизу», как изображения. Правда, некоторые её описания явно возникли благодаря знакомству с визуальными источниками (например, описание видов дореволюционного Архангельска, с. 18–19), и в книге присутствует вклейка с фотографиями, которые в тексте, однако, не анализируются. А зря. Так, на фото 20, датированном мартом 1920 г., запечатлена группа красноармейцев, позирующих рядом с застывшими в агонии трупами жертв белого террора. Как было принято на коллективных фотокарточках того времени, фотографирующиеся в первом ряду лежат. Особенностью этой фотографии является то, что красноармейцы лежат не более чем в метре от окоченевших трупов, а один из позирующих расположился так близко от мертвеца, что его рука почти касается головы замученного, которую он, судя по направлению взгляда, то ли старается не задеть, то ли внимательно рассматривает. Это фото автор легко могла бы сделать поводом для анализа изменений отношения населения к смерти под влиянием повседневного столкновения с нею.

Другой ловушкой, о которой я не могу не упомянуть, является поиск пресловутой «местной специфики». Я не ставлю под сомнение познавательную ценность обнаружения региональных и локальных особенностей, но это требование к исследователям провинциальной истории настолько превратилось в научный ритуал, что историки привыкли азартно выискивать местное своеобразие даже там, где его нет. Не избежала этой западни и Новикова. Так, она отнесла к местной специфике тонкость интеллигентского слоя и связанное с этим межпартийное сотрудничество (с. 32–33), аполитизм рабочего и крестьянского движения (с. 33–37), пренебрежительное отношение интеллигенции к «тёмному народу» (с. 118, 119, 125, 126) – словом, феномены, распространённые далеко за пределами Архангельской губернии. Правда, написав в поисках местных оригинальных черт развития целую главу о губернии до революции (с. 17–46), Новикова в конечном счёте пришла к аргументированному выводу об определяющем влиянии Первой мировой войны на последующие события: «Война расставила основные фигуры на поле будущей революции в Архангельской губернии» (с. 46). Важность других местных особенностей, про-

анализированных автором, для понимания хода и исхода Гражданской войны на Русском Севере – присутствие военных контингентов и дипломатических представителей стран Антанты, стабильность фронта, устойчивость структур гражданского управления – не вызывает сомнения.

Итак, читатель получил важную книгу о Гражданской войне в одном из регионов России. Как всегда бывает с важными книгами, она заключает в себе потенциал серьёзных импульсов и весомых подсказок для читателей, в том числе и для будущих исследователей. И к таким урокам для коллег по научному цеху можно отнести не только сильные стороны книги, но и упущения автора.

***Татьяна Трошина: Размышления регионального историка
о «провинциальной» Гражданской войне***

Темой монографии Л.Г. Новиковой стал социально-политический и идеологический феномен, который она назвала «провинциальной контрреволюцией», заключив это понятие в кавычки, поскольку, по мнению автора, в России, и в частности в северо-европейских её губерниях, собственно контрреволюции не было (с. 263). В советской исторической науке наличие у Белого движения социальной базы принято было объяснять контрреволюционностью отдельных социальных слоёв. В настоящее время, соглашаясь с современниками событий и опиравшись на их понимание российского революционного процесса западными исследователями, и отечественные историки стремятся объяснять массовое антибольшевистское движение не контрреволюцией как таковой, а желанием населения решать свои насущные проблемы по-своему, иначе, чем диктовала новая власть, применявшая жёсткую, во многом «антинародную» и противоречащую собственным обещаниям политику. Вместе с тем, исчерпывающего объяснения истокам той ярости, которая сопутствовала гражданскому противостоянию в России в 1918–1920 гг., до сих пор не дано. В попытке ответить на этот вопрос – актуальность обсуждаемой книги.

Её новизна заключается также в стремлении отойти от единой модели событий, сглаживающей региональные различия. Всё же Россия – огромная и разнообразная страна, и происходившие в ней процессы, не укладываясь в традиционные противопоставления столиц провинции, а города – селу, определялись и специфическими условиями отдельных регионов. Неравномерность, социокультурные диспропорции их развития с особой силой проявились именно в первых десятилетиях XX в., когда усилия государства и объективные обстоятельства экономического и политического развития (индустриализация, политические реформы, Первая мировая война), казалось бы, должны были способствовать синхронизации ритмов регионального развития. В свою очередь, потрясения военно-революционной эпохи создали предпосылки для разрушения государственного и национального единства. Всё это делает особенно важным тщательный анализ происходившего на локальных материалах. Новикова избрала для него Архангельскую губернию – гигантскую по территории (размером более Франции), но крайне слабо населённую (0,5 человека на квадратный километр) северную приморскую провинцию, ставшую на полтора года, с августа 1918 по февраль 1920 г., самостоятельной от Советской России «белогвардейской» Северной областью.

Изучение социального содержания исторических событий предполагает глубокое знание предмета исследования, а именно носителя «социального» –

местного населения, его менталитета и бытовой культуры. Книга Новиковой не может не вызвать в этой связи особого интереса у региональных исследователей, которым анализируемые события хорошо знакомы не только по архивным и литературным источникам, но и, так сказать, на уровне повседневного опыта: города и деревни, дороги и улицы, где эти события происходили, сами по себе содержат немало информации, которая может объяснить их причины, траекторию развития тех или иных процессов, мотивацию «действующих лиц» исторической драмы.

Прекрасное знание западной русистики ориентирует Новикову на своеобразный диалог с зарубежными историками, который положен в основу её книги. В историографической части своей монографии она характеризует и основные направления анализа Гражданской войны на Европейском Севере в отечественной науке, акцентируя внимание на том, что эта проблема исследовалась преимущественно региональными историками. Отмечает она и общую для российской историографии тенденцию объяснять Гражданскую войну в регионе фактом иностранной интервенции, недооценивая при этом социальные аспекты противостояния.

Автор знакомит читателей с Русским Севером (вернее, его частью, Архангельской губернией) и с его населением. Без этого вводного материала трудно было бы понять специфику революции и Гражданской войны в крае с непростой историей, которая развивалась, казалось бы, без особых катаклизмов в виде войн и вражеских нашествий, но в немалой степени зависела от постоянного участия государства. В книге представлена безрадостная картина экономического и социального развития этого региона на рубеже XIX–XX вв. Автор отмечает, что отдалённость края и неразвитость транспортной инфраструктуры, которые препятствовали эффективному управлению регионом даже в условиях политической стабильности, ещё больше осложнили возможность контроля над этой территорией после падения имперского режима (с. 23–24).

Вместе с тем Новикова не уделяет достаточного внимания резким переменам, которые произошли на Европейском Севере России в период Первой мировой войны. Именно в это время были «за годы сделаны дела столетий»: осуществлено грандиозное дорожное и портовое строительство, воссозданы грунтовые и водные пути, которые широко использовались в периоды былого процветания края. Трудно согласиться и с положением, что бурные процессы индустриализации, протекавшие в России, практически не затронули Архангельскую губернию. Понятно стремление автора обосновать специфику Гражданской войны в этом регионе и позицию местного населения, которое, казалось бы, не имело особых причин участвовать в гражданском конфликте: «земельная проблема» здесь никогда не была острой, а отсутствие помещичьего землевладения не ставило в повестку дня вопрос о «чёрном переделе» (проживая в зоне рискованного земледелия, местное население зависело от внешних поставок продовольствия). Однако недостаточное внимание Новиковой к короткому, но грандиозному по своим последствиям периоду мировой войны, подтолкнувшей индустриализацию региона, урбанизацию населения, развитие местного рынка, отрыв сельских жителей от сельскохозяйственных занятий и ещё больший рост их зависимости от внешних продовольственных поставок, даёт несколько искажённую картину социального ракурса Гражданской войны на Севере.

Первая мировая война и её последствия в основном рассматриваются автором с точки зрения формирования «субъективного фактора» местной революции, с акцентом на притоке большого количества «пришлых», многие из которых прибыли сюда с целью получить отсрочку от призыва. Отсюда такая активность «пришлого элемента», боровшегося за скорейшее окончание войны и демилитаризацию экономики. Именно этот контингент совершал большевистское «триумфальное шествие» по северным городам и военным гарнизонам. Но вскоре на смену ему пришли местные фронтовики, вернувшиеся из окопов и желающие устроить жизнь в своих деревнях по справедливости. Большое внимание к влиянию войны позволило бы автору отказаться от стереотипов, представляющих Русский Север глубокой периферией, своего рода этнографическим анклавом. В действительности история Севера не отличалась линейностью (об этом Новикова упоминает), а экономические и политические взлёты неоднократно сменялись в ней падениями.

Значительная часть книги посвящена политике Временного правительства Северной области. Автор чётко разделяет роль в формулировании и осуществлении этой политики местной интеллигенции и «пришлых» представителей политической и военной элиты страны. Особый интерес представляет экскурс Новиковой в дореволюционные размышления местной интеллигенции о судьбах Севера. Отмечается как «местный патриотизм» архангельской общности, так и её неверие в силы местного населения, надежда на патерналистские усилия государства по экономическому и социально-культурному развитию края (с. 26). С другой стороны, акцентируя внимание на том, что эта европейская губерния не имела земства, а значит, и источников формирования собственной либеральной интеллигенции, Новикова подробно характеризует роль «чужаков»: во второй половине XIX и в первые годы XX в. ими были административно ссыльные (прежде всего, по «политическим» статьям), а в революционный период – эmissары от политических партий и политические «беженцы» (например, члены Учредительного собрания).

В книге подробно рассмотрена внутренняя политика Временного правительства Северной области. Мне эта часть монографии была особенно интересна, поскольку мои научные интересы распространяются на «земельный» вопрос и на усилия властей военно-революционной эпохи в области социальной политики. Представленный автором фактический материал показывает, что эсеро-меньшевистское правительство Северной области стремилось осуществить, казалось бы, ту же политику, что и большевики (своего рода «альтернативный социализм») – в этом парадокс русской революции! При этом следует отметить, что важнейшим недостатком усилий белого правительства было игнорирование специфики интересов местного населения, экстраполяция на него тех представлений, которые у функционеров и идеологов умеренно-социалистических партий сложились применительно к крестьянскому населению земледельческих районов России.

В частности, Новикова отмечает ключевую роль «продовольственного вопроса», вокруг которого в регионе и происходило размежевание населения. Именно обещание союзников по Антанте обеспечить людей хлебом наиболее радикально повлияло на смену политических пристрастий населения Архангельской губернии, отвернувшегося от большевиков. А сложности с продовольственным обеспечением, с которыми столкнулось белое правительство после «выхода из игры» стран Антанты, вкупе с умелой агитацией, проводи-

мой из «Совдепии», серьёзно усугубили политические проблемы и в конце концов привели к падению Северной области. В связи с этим хочется выразить огорчение, что автор книги концентрируется на Архангельской губернии, которая почти полностью находилась под управлением «белого» правительства, и не уделяет достаточно внимания происходившему на «красных» территориях. Такое сравнение позволило бы увидеть в событиях послевоенного «красного террора» (с. 253–262), пришедшего на смену политики «пряника», «синхронизацию» региональной политики большевиков с их общегосударственным курсом эпохи «военного коммунизма», когда после окончания боевых действий на Северном фронте идеологические соображения уже перестали иметь значение.

Автор отмечает, что «контрреволюция» на Севере не была «ползучей». «Белогвардейская» атака на советскую власть, «триумфальное шествие» белых по городам и уездам Архангельской губернии и в самом деле поражают. Третья часть книги посвящена собственно социальной составляющей «провинциальной контрреволюции», а именно, мотивации населения поддерживать или не поддерживать «правительство национального единства», опиравшееся на штыки интервентов. Действительно, такой мотивацией не являлась идея борьбы за государственную независимость. Подтверждение тому – переходившие в вооружённые мятежи массовые протесты, направленные против «советской мобилизации», которая проходила под лозунгом борьбы против внешнего вторжения. Видно это также из того факта, что «антибольшевистское народное движение» ослабевало по мере отступления Гражданской войны от границ родной волости «патриотов». Но позиция местного населения не определялась и антибольшевистским порывом: за несколько месяцев существования в Архангельской губернии советской власти под эгидой большевиков они просто не успели разочаровать население в своей политике, которая ещё весной 1918 г. здесь с энтузиазмом принималась.

По мнению Новиковой, большинством населения двигало желание как-то выжить в тяжёлой ситуации, в которой оно оказалось. Местные жители, прежде всего мужчины, в предыдущий период бурной индустриализации привыкли заниматься обеспечением своей семьи, зарабатывая деньги на отхожих занятиях. В условиях же Гражданской войны заработать деньги, получить продовольственный паек и дефицитные товары (одежду, обувь) можно было, находясь в армии. При этом мужчины призывного возраста стремились не только состоять в армии, контролировавшей территорию, на которой находились их семьи, но и не покидать эту территорию. Отсюда – широкое распространение партизанского движения, а также дезертирство и «перебежки» из одной армии в другую.

К безусловно положительной стороне обсуждаемой книги относится чёткое структурирование текста, написанного, кстати, очень хорошим языком. Следует отметить уважительное отношение автора к своему читателю, в котором она видит не только специалиста, но и любителя исторического чтения. Книга снабжена солидным справочным аппаратом, занимающим примерно треть её объёма. Ссылки представляют собой лаконичный и при этом исчерпывающий анализ всего комплекса источников, на основе которого автором был сделан тот или иной вывод.

...Сегодня над зданием Архангельской областной администрации развевается «самостийное» (официально не признаваемое правительством России) знамя бывшей Северной области: «андреевский» крест с губернским гербом (Архангел Михаил, попирающий дьявола). Северная область, имевшая своё

«правительство» и проводившая «свою» политику (на штыках приезжих белогвардейцев, прибывших сюда ради идеи или денег, и экспедиционного корпуса интервентов – союзников России по Антанте), в действительности как в военном, так и в экономическом отношении зависела от внешнего «спонсора», Великобритании. Даже местные денежные знаки печатались в Лондоне. Так что современной Архангельской области не стоило бы гордиться таким прошлым. Разумеется, понимание этого не умаляет нашего восхищения мужеством тех белых офицеров и солдат, которые искренне боролись за Россию, получив за это свою долю унижений и проклятие ближайших потомков. Честный рассказ о реальной трагедии Северной области и её населения в условиях Гражданской войны совершенно необходим, чтобы избавить современных жителей области от необоснованной идеализации своего «антибольшевистского» прошлого. В этой связи вызывает сожаление, что тираж (немалый для научного издания – 1 тыс. экз.) всё же недостаточен, чтобы книга Л.Г. Новиковой оказалась на полках районных, поселковых и школьных библиотек Архангельской области.

Арон Ретиш: Массовая политика и роль простых людей в Гражданской войне

Последние два десятилетия ознаменовались в историографии необычайно интересным, почти головокружительным переосмыслением истории революции и Гражданской войны. На Западе оно отчасти стало результатом деятельности того поколения историков (включая автора этих строк), которые пришли в науку в период «гласности» или сразу после распада СССР. Подрастая, мы были свидетелями последнего всплеска ожесточённой риторики «холодной войны», но ко времени нашей учёбы в аспирантуре она уже ушла в прошлое. Приезжая в СССР, а затем в Россию, мы никогда не испытывали таких трудностей с доступом к архивам, как наши предшественники. Многие из нас считали, что прежние горячие споры о легитимности большевистской власти устарели. В опьяняющей атмосфере 1990-х и начала 2000-х гг. мы были захвачены новыми возможностями, которые открылись тогда перед историками. Нас вдохновляли вышедшие в конце 1980-х гг. первые книги Орландо Файджеса и Дональда Рейли, которые продемонстрировали, что архивная работа над тематикой революции и Гражданской войны в провинции реальна и может быть очень плодотворной¹⁷. Мы ездили по городам и весям бывшего Советского Союза, погружаясь в документы открывшихся региональных архивов и пытаясь понять, как обычные люди были не только жертвами, но и активными участниками российских катаклизмов 1914–1922 гг.

По-настоящему переосмысление событий революции и Гражданской войны началось на Западе в середине 1990-х – начале 2000-х гг. с публикацией работ Питера Холквиста, Дональда Рейли, Джошуа Сэнборна и Майкла Хики, в которых фундаментальная проработка архивных материалов сочеталась с акцентом на опыте простых людей и на местных условиях¹⁸. Холквист

¹⁷ Raleigh D. *Revolution on the Volga: Saratov in 1917*. Ithaca, 1986; Figes O. *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921*. Oxford, 1989.

¹⁸ Holquist P. *Op. cit.*; Raleigh D. *Experiencing Russia's Civil War...*; Hickey M. *Local Government and State Authority in the Provinces: Smolensk, February–June 1917 // Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 863–881; Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, 2003.

изучал политику власти на Дону в период с 1914 по 1921 г., прослеживая, как на протяжении Первой мировой войны в среде элиты крепла вера в безграничные преобразовательные возможности государства, которую революционеры с успехом перенесли в эпоху войны Гражданской. Рэйли на основе тщательного анализа саратовских материалов показал, как катастрофический опыт Гражданской войны менял людей и институты. Сэнборн исследовал развитие всеобщей воинской повинности и тесной её взаимосвязи с массовой политикой и волной революционного насилия, а также проследил роль военного призыва в складывании идеи русской нации. Хики в своих работах о Смоленске выявил, как в ходе революции изменялись политические практики, и кто контролировал власть на местах. Поднятые во всех этих работах вопросы глубоко повлияли на новейшие исследования революции и Гражданской войны.

С другой стороны, историки, наконец, начали отдавать должное опыту Первой мировой войны, показывая, что она была не просто прелюдией к революции, а ключевым, структурирующим периодом, определившим ход революции, Гражданской войны и саму природу Советского государства¹⁹. Наконец, современная историография многим обязана взаимному обогащению идеями и материалом между западными и российскими учёными из центра и регионов²⁰. Все эти тенденции и обусловили появление целого ряда работ, основанных на региональных архивах, где революция и Гражданская война изучаются «снизу», с точки зрения того, как обычные люди – крестьяне, солдаты, рабочие – воспринимали эти драматичные события и влияли на их ход²¹. Однако практически все они посвящены регионам, которые во время войны в основном контролировались красными²². До последнего времени в историографии не существовало основанного на региональных архивах комплексного и детального анализа того, как функционировала «белая» власть и каковы были отношения к

¹⁹ Такую точку зрения обосновывают Холквист и Сэнборн. См. также: *Gatrell R. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington, 2000; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass., 2003.* Об оценке недавних работ по региональной перспективе революционных событий см.: *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112. Общий обзор новейших тенденций в западной историографии советской истории см.: *Whither Soviet History? Some Reflections on Recent Anglophone Historiography // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2012. Vol. 1. № 2. P. 213–230.*

²⁰ Так, я в работе о том, как переживали революцию и Гражданскую войну крестьяне Вятской губернии, во многом опирался на достижения историков из Кирова и Ижевска. См.: *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; *Бехтерев С.Л.* Эсеромаксималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. К числу наиболее известных на Западе современных российских работ по тематике революции и войны относятся: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. М., 2001; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Яров С.В.* Крестьянин как политик: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999.

²¹ См.: *Suny R.G. Toward a Social History of the Russian Revolution // American Historical Review. 1983. Vol. 88. № 1. P. 31–52.*

²² *Retish A.* Op. cit.; *Badcock S.* Op. cit.; *Karsch S.* Op. cit.; *Landis E.* Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, 2007; *Baker M.* Peasants, Power, and Place: Revolution in the Villages of Kharkiv Province, 1914–1921 (в печати); *Rabinowitch A.* Op. cit. Следует также упомянуть коллективный международный проект «Russia's Great War and Revolution», (<http://russiasgreatwar.org/media/>) в рамках которого будут опубликованы работы о регионах, в том числе до сих пор очень слабо изученных.

ней местного населения. С появлением монографии Л.Г. Новиковой эта лакуна начала восполняться²³.

Эту книгу можно считать важной вехой в историографии Гражданской войны по целому ряду причин. Прекрасно знакомая как с российской, так и с западной исторической литературой, Новикова сумела использовать достижения и той, и другой. Многие анализируемые ею сюжеты в полном объёме до сих пор практически никем не освещались. В их числе сложные взаимоотношения и противоречивые интересы лидеров антибольшевистского движения, напряжённые отношения местных элит, белого военного руководства и руководителей союзной интервенции, белые партизанское движение и террор. Не идеализируя и не демонизируя Белое движение на Севере, Новикова доказывает, что для него были характерны политическая гибкость и прагматизм, позволившие его лидерам приспособиться к местным условиям. Белое правительство предстаёт в книге прогрессивной силой, продолжавшей умеренно-социалистическую линию революции 1917 г. и признававшей важную роль государства в трансформации общественных отношений и выполнении социальных обязательств перед народом. В этой сложной картине белые предстают создателями вполне жизнеспособного представления о революции, альтернативного большевистскому.

Как и в других новейших исследованиях региональной истории этой эпохи, в книге акцентируется роль географического фактора в ходе Гражданской войны. Порты Европейского Севера сделали возможной интервенцию Антанты, однако малочисленное население и неразвитая промышленность стали ключевым препятствием для военного успеха белых. Экологические условия региона заставляли армию мёрзнуть, определяли формы крестьянского землепользования и обусловили преобладание здесь редких и маленьких городов, которые препятствовали организации эффективного управления.

Ход Гражданской войны на Севере напрямую зависел и от Первой мировой войны, которая сначала дала союзникам основание для интервенции, а затем, после капитуляции Германии, заставила их эту интервенцию прекратить, что в конечном итоге привело Белое движение на Севере к краху. Демобилизованные солдаты Первой мировой и бывшие военнопленные пополняли белую армию. Беженцы сокращали и без того скудные ресурсы тыла, где в отсутствие медикаментов и врачей, отправленных на фронт, свирепствовали эпидемии. В целом, книга Новиковой с её акцентом на практиках власти, учётом долговременных последствий Первой мировой войны и анализом роли локальных факторов в разворачивании войны Гражданской, как представляется, даст ощутимый толчок «новой волне» историографии революционных и постреволюционных событий.

Не рассматривая книгу в деталях, я последую примеру других участников дискуссии и сосредоточусь на некоторых её дискуссионных моментах и на возможных вопросах для дальнейших исследований. Подобно Д. Рейли и И.В. Нарскому, я вижу в книге Новиковой исследование скорее по политической, чем по социальной истории, сфокусированное на анализе административных механизмов и реализации государственной политики. В 6-й главе автор решается затронуть сферу социального, когда обсуждает трансформацию

²³ В числе недавних англоязычных работ об антибольшевистском лагере см.: *Smith S. Captives of Revolution: The Socialist Revolutionaries and the Bolshevik Dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh, 2011; Smele J. Op. cit.*

Гражданской войны из «противоборства политических элит в действительно народную войну» (с. 191). Перед читателем возникают отблески «другой» Гражданской войны – не политического и военного противоборства красных и белых, а социального противостояния – борьбы отдельных людей и социальных групп за свои собственные интересы. Обычные крестьяне и горожане выдвигали новых руководителей, арестовывали своих противников, совершали жуткие акты насилия. Однако Новикова склонна скорее сублимировать активную роль социальных низов, концентрируясь на правительственной политике. Мы так и не узнаем, как именно перемены, которые принесли в жизнь людей война и революция (например, превращение деревни в «бабье царство» или галопирующая инфляция), сказывались на политической активности масс.

Анализируя социальную политику правительства Северной области, Новикова находит в ней больше сходств с курсом Временного и большевистского правительств, чем отличий. Все они, по её мнению, стремясь просвещать население, развивали систему образования, взяли курс на прогрессивную земельную реформу, дававшую права на землю всем, кто её обрабатывал, и дистанцировались от Церкви. Но возникает вопрос: насколько далеко автор готова пойти в сближении разных вариантов революционного государства? Если умеренные социалисты разделяли со своими врагами – большевиками – убеждение в ответственности государственной власти за улучшение благосостояния населения, то верили ли они также, что именно на государстве лежит миссия по созданию «нового общества»? Получается, что, будь у них такая возможность, для достижения своих целей руководители Северной области подобно большевикам охотно обратились бы к массовому насилию. Так ли было на самом деле?

Новикова доказывает, что белое правительство пользовалось на Севере массовой поддержкой. Жители городов и деревень повсюду изгоняли большевиков, а многие из них шли в белую армию или даже в белые партизанские отряды. Такая картина не выглядит экстраординарной. Стремительное насильственное свержение большевистской власти происходило и в других регионах, например, в Поволжье и на Урале по мере прихода к власти правительств Комуча и Прикомуча. Чем отличался Север России, так это длительностью крестьянского «добровольчества». На территории, контролируемой Комучем, крестьяне после начала реквизиций и призыва в армию довольно быстро перешли в стан противников антибольшевистского правительства. Однако на Севере этого не произошло. Но значит ли это, что крестьяне поддерживали политическую программу белых? Что сами крестьяне думали по поводу того, кого и что они поддерживают? Как вообще можно измерить степень поддержки режима? Видимо, подобные вопросы ещё долго будут в центре внимания исследователей, пытающихся разобраться в позиции крестьян вплоть до конца сталинской эпохи.

Однако независимо от характера поддержки белых, мне осталось не до конца ясным, чего же именно крестьяне от них хотели. Новикова и Нарский сходятся в том, что такие ожидания в основном не выходили за пределы их деревень. Крестьяне желали, чтобы государство гарантировало им образование, пайки для семей солдат, землю и помощь в разрешении земельных споров (с. 170–178, 189). Последний пункт особенно важен, поскольку он демонстрирует, что крестьяне ожидали от государства не самоустранения, а более активного присутствия в их жизни. Но ограничивались ли перечисленным ожидания крестьян от революции? В 1917 г. они буквально засыпали государственные

органы петициями с требованиями равных с прочими гражданами политических прав и свобод. Исчезли ли эти политические требования после начала Гражданской войны? Поддерживала ли интенсивно модернизирующая страну власть, если таковой был белый режим, локалистскую замкнутость крестьян?

Аналогичным образом, по-прежнему нуждаются в тщательном изучении культурные практики в годы Гражданской войны, столь обстоятельно проанализированные, в частности, Б.И. Колоницким применительно к периоду Первой мировой и революции²⁴. Новикова отмечает, что правительство Северной области продолжало начатые ещё в 1917 г. образовательные кампании по «просвещению» населения. Но какова была реакция на них крестьян и горожан? Как белые и население в целом конструировали понимание революции и память о ней с помощью песен, историй, праздников и политического дискурса?

На страницах книги не представлен и голос женщин (я сознаю, что это во многом объясняется проблемой с источниками). Между тем, поскольку именно женщины составляли большинство населения деревень и играли решающую роль в сельской экономике, от их позиции в значительной степени зависела судьба белого правительства. С другой стороны, север, будучи зоной военных действий, оказался наводнен состоящими в рядах армий мужчинами. Это требует в будущем исследования маскулинности в среде военных. Существовали ли какая-либо разница в её восприятии между белыми, красными солдатами и солдатами союзного контингента?

Мне кажется важным и соображение Рейли о том, что собственно боевые действия остаются в книге Новиковой на заднем плане. Эта черта характерна для многих исследований эпохи Гражданской войны. Военный и региональный аспекты её истории до сих пор очень слабо интегрированы. Новикова старается преодолеть эту тенденцию, анализируя процесс мобилизации и партизанские действия. Но мы по-прежнему не знаем, как вели себя люди, оказавшиеся возле линии фронта. Прятались ли они и как? Имели ли место взятие заложников, реквизиции и насильственные постой войск? Как вообще местные жители воспринимали солдат враждебных армий, убивавших друг друга на их глазах? Любопытно, что крестьяне в книге предстают активной действующей силой в основном тогда, когда они совершают устрашающие акты насилия. Можно согласиться с И.В. Нарским, что Новикова скорее описывает, чем анализирует эту волну насилия. На мой взгляд, это ещё одна типичная черта многих работ о революции и Гражданской войне²⁵. Историография явно нуждается в серьёзном анализе причин, форм и символического содержания насилия, являвшегося столь неотъемлемой характеристикой той эпохи. Новикова описывает акты надругательства солдат и крестьян над убитыми. Но почему они это делали? Происходило ли это от отсутствия военной сноровки или по эмоциональным причинам? Пытались ли белые офицеры вовлечь своих солдат в какие-то специфические формы насилия? И отличались ли эти формы от тех, что практиковались Красной армией?

Неизменно актуальным в историографии Гражданской войны остаётся и вопрос о причинах победы красных. Новикова считает важнейшей из них экономическую слабость контролируемых белыми окраинных регионов (с. 11),

²⁴ Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. В книгах Рейли и Рабиновича также есть главы о культурных практиках эпохи революции.

²⁵ См. об этом: *Sanborn J.* Op. cit. P. 166.

однако в последней главе намекает и на проблемы внутри белого лагеря. Когда союзники решили прекратить интервенцию, а до Архангельска дошли вести о падении правительства Колчака, солдаты здешней белой армии осознали, что их дело проиграно. Вероятно, без интервенции Антанты северное правительство было бы изначально обречено повторить судьбу Комуца, чьё существование оказалось очень кратким. Оно неспособно было мобилизовать свои ресурсы так, как это делали большевики. Конечно, слабость местной экономики сыграла в поражении белых свою роль, но не менее важно проанализировать и то, насколько успешнее большевики создавали новые государственные и идеологические структуры, сочетавшие насилие с программами социальных и культурных преобразований.

Овладев северными территориями, большевики повели себя подобно оккупантам, и Новикова акцентирует последовавший за этим кровавый террор. Эта картина кажется верной: мне она знакома по анализу того, что происходило после падения Прикомуча в Ижевске. С другой стороны, Эрик Ландис в своём исследовании об антоновском восстании в Тамбовской губернии показал, что, подавив его, Красная армия действовала с помощью политики «кнута и пряника»: массовый террор, аресты и казни сочетались с попытками примирения, включая административную реформу и улучшение условий жизни. Мало-помалу советская власть завоёвывала если не поддержку, то терпимое отношение своих предполагаемых классовых союзников.

В целом же книга Л.Г. Новиковой, как показывает эта дискуссия, поднимает целый ряд новых вопросов, которые задают важную перспективу в изучении эпохи революции и Гражданской войны.

Эрик Ландис: Опыт войны и опыт примирения

Книга Л.Г. Новиковой является оригинальным вкладом в растущую историографию региональных исследований о российской революции и Гражданской войне. Ещё важнее то, что она представляет свежий взгляд на антибольшевистское движение и демонстрирует, как региональная история может открыть новые перспективы, или, по меньшей мере, поставить новые ключевые вопросы относительно более широких общенациональных процессов. Эта книга, несомненно, подтолкнёт историков Гражданской войны к тому, чтобы переосмыслить привычные характеристики Белого движения и более детально исследовать то, как антибольшевистские правительства и движения взаимодействовали с политическими соперниками и гражданским населением.

В своём отклике я сосредоточусь на обсуждении некоторых вопросов, поднятых другими участниками дискуссии. И.В. Нарский выделил в анализе Новиковой два важных аспекта, которые могут существенно продвинуть изучение эпохи Гражданской войны и в других регионах России. Первый – это рассказ о том, как специфические местные условия породили белое правительство в Архангельске, и как краткая история его правления может рассматриваться в качестве уникального альтернативного варианта «модернизации» России в революционную эпоху. Второй же связан с особым вниманием автора к тем обстоятельствам и случайностям, которые определили судьбу белого правительства, а также к импровизированному стилю его управления.

Мне представляется, что две эти характеристики исследования Новиковой в некоторой мере противоречат друг другу. В нём действительно тщательно

анализируются локальные факторы, которые и вызвали к жизни уникальную коалицию сил, создавших и поддерживавших белое правительство в Архангельске. Та же коалиция сделала возможным превращение правительства в фактическую диктатуру «по соглашению», хотя последняя и страдала от всех тех слабостей и противоречий, которые присущи любой коалиционной политике. Но у меня не сложилось впечатления, что работа Новиковой рисует картину последовательного и стабильного белого правительства. Оно было импровизированной конфигурацией политических сил на малонаселённой территории северо-запада России, и стабильность его невозможно оценить, не принимая во внимание роль интервенции. И если предложенный Новиковой метод исследования антибольшевистских политических сил – в их тесной связи с локальным контекстом – можно применять более широко, то вот оценка политики белого правительства в Архангельске как «варианта» модернизации революционной эпохи представляется мне менее убедительной.

Как Нарский, так и Рейли отмечают, что можно было бы больше внимания уделить взгляду «снизу», позиции простых людей. Действительно, исследование Новиковой в основном посвящено взаимодействию организованных политических сил в регионе, а также роли политических и военных советников Антанты. Да и социально-экономическая политика белого правительства оценивается на основе источников, которые отражают перспективу стоящих у власти. Но объясняется ли это авторскими предпочтениями или же особенностями тех источников, которые она использует? В какой мере именно источники определили ракурс исследования? Читая книгу, я часто ловил себя на мысли, что автор могла бы более открыто говорить об особенностях и ограничениях имевшихся в её распоряжении данных. Это тем более важно, что мы имеем дело не с устойчивым правительством с институтами и регулярными практиками, характерными для мирного времени. Судя по моему собственному опыту изучения провинциальной истории того же периода, многие источники того времени фрагментарны по своей природе. Конечно, отказ автора от детального анализа этой проблемы – вполне легитимный стилистический выбор, а не показатель недобросовестности. Но для будущих исследований такой анализ представляется очень важным.

Я размышлял о трудностях описания опыта гражданского населения в годы войны и когда читал заключительную главу «Провинциальной “контрреволюции”». Эта глава, посвящённая концу белого правительства на Севере и тому, как Красная армия устанавливала свой контроль над занятой территорией, в определённом смысле показательна для существующих проблем в историографии данного периода. Автор обращается в ней к теме насилия. В частности, она показывает, как большевики полагались на политическое насилие и террор с целью установить свою власть на недавно «освобождённых» (или «завоёванных») территориях. Новикова неоднократно подчёркивает отличие этой политики от практик белого правительства. Последнее лишь вынужденно и в минимальной степени использовало аресты и подавление политических оппонентов и в целом довольно редко и избирательно прибегало к насилию. Новикова признаёт, что даже в самый мрачный период своего существования белое правительство было способно мобилизовать значительную поддержку и вовлечь в ряды армии беспрецедентное число солдат, желающих сражаться на его стороне. Автор объясняет это разумной политикой белых и тем неподдельным энтузиазмом, который она породила.

Предложенные Новиковой оценки являются необходимой корректировкой той части историографии Белого движения, в которой его представители рассматриваются как военные, одержимые идеей об узурпации власти большевиками-евреями и подрывавшие своё собственное дело пренебрежительным отношением к населению и к нюансам гражданского управления. Вместе с тем книга не отличается столь же критическим и глубоким анализом того, что происходило после поражения белых и установления советского контроля над данной территорией. Хотя большую часть 1920-х гг., конечно, можно рассматривать как период нерешительной «реконструкции», прямо связанной с годами войны и революции, всё же для значительного числа жителей бывшей Российской империи Гражданская война действительно кончилась в 1920–1921 гг. Чтобы понять, как совершился переход к мирному времени, действительно необходимо принять во внимание то, как Красная армия подавляла своих вооруженных противников. Но в не меньшей мере надо исследовать и то, как обещания и политика советской власти сочетались с усталостью населения от войны и с коллективным желанием вернуться к нормальной жизни в какой бы то ни было форме. Все эти три мотива – страх, надежда и усталость – должны быть поняты в их взаимосвязи как факторы, совокупно работавшие в пользу примирения с властью. Конечно, темой книги Новиковой не является установление в регионе советской власти вслед за поражением белых. Но предложенная автором в последней главе трактовка «советизации» всё же менее дифференцирована, чем описание белой государственной власти в регионе.

Такая оценка, впрочем, достаточно типична для современной историографии, которая по-прежнему рассматривает политические репрессии как главный механизм победы Советов. Сейчас нет недостатка в исследованиях, детально описывающих на локальном и провинциальном материале преступления и жестокость красноармейцев и агентов Советского государства. Эту историографическую тенденцию можно считать естественной реакцией на советскую историографию и объяснять гуманистическим вниманием к страданиям гражданского населения в период экстремального конфликта. Но если, как пишет Новикова, гражданское население поддерживало белое правительство в Архангельске по вполне прагматичным соображениям, то поведение того же самого населения можно считать вполне прагматичным и тогда, когда оно стало сотрудничать с Красной армией и советской властью, как только события стали развиваться в их пользу. Как показал в своих новаторских исследованиях Дональд Рейли, язык и утверждение гегемонии над политическим дискурсом составляют важную часть этого процесса консолидации, позволяя разрешить конфликты между центром и периферией, препятствовавшие усилиям большевиков в области государственного строительства в годы Гражданской войны. Но и насилие можно рассматривать как часть того же самого процесса установления гегемонии и содействия примирению и реконструкции. Понимание опыта гражданского населения предполагает не только раскрытие глубины страданий людей в период конфликта, но и учёт тех социальных сил и механизмов, чьё действие сделало возможным победу одной из сторон и восстановление в какой-то мере нормальной, мирной жизни.

Материал подготовлен И.А. Христовым